

Костромская периферия: социально-экономические последствия трансформации лесопромышленного комплекса¹

Лесосырьевые регионы с доминирующим положением лесопромышленного комплекса (ЛПК) в экономике имеют ряд особенностей, к числу которых относятся: рассредоточенный характер ресурсной базы и обусловленная им удаленность и изолированность населенных пунктов, специализирующихся на лесозаготовках, а также мелкоселенная система сельского расселения.

С этими особенностями связаны многие социальные проблемы, о предпосылках и путях решения которых и пойдет речь. Социальное благополучие населения в очень значительной степени зависит от финансово-экономического положения отдельных предприятий ЛПК. Поэтому в статье уделяется большое внимание экономике лесного сектора, которая сильно зависит от государственного регулирования лесных отношений и транспортных издержек, а значит, от территориального размещения лесосырьевых баз относительно обрабатывающих производств и транспортной сети.

Костромская область — типичный представитель регионов, сильно зависимых от лесопромышленного комплекса, даже по сравнению со своими северными соседями с более масштабным ЛПК: Вологодской, Архангельской областями и республикой Коми, в отличие от них, область не имеет значимых предприятий других отраслей (кроме электроэнергетики). В этом она сходна со своим восточным соседом - Кировской областью.

Территория, о которой идет речь в статье, — центрально-восточные районы Костромской области, — может быть охарактеризована как "двойная периферия", поскольку, будучи периферией рассматриваемого региона, она примыкает к окраинным частям Нижегородской, Кировской и Вологодской областей, что усиливает степень ее глубинности. Эффекты периферийности проявляются в полной мере в приграничных районах, удаленных от двух региональных магистралей, например в Макарьевском на юге области и в Октябрьском на северо-востоке. Для них характерны отсутствие крупных предприятий, трудности транспортного сообщения сельских поселений с районным центром, повышенный уровень безработицы. Районы, которым в статье уделяется главное

¹ Статья опирается на обследование автором в 2009 г. Мантуровского, Шарьинского, Макарьевского районов Костромской области и анализ документов. Были проведены многочисленные интервью с представителями администраций районов и главами предприятий — всем им автор выражает благодарность за оказанную помощь.

внимание — Мантуровский и Шарьинский — несмотря на периферийность, расположены на пересечении ключевых региональных магистралей и, как следствие, имеют крупные предприятия обрабатывающей промышленности.

Очаги социальной напряженности всегда локальны и возникают в первую очередь в населенных пунктах, специализированных на одной отрасли промышленности, а в особенности — в поселках одного предприятия. При более диверсифицированной экономике население может найти альтернативные места приложения труда, база бюджетных доходов более устойчива, а социальные проблемы проистекают, главным образом, из хронической безработицы и бюджетного недофинансирования социальной инфраструктуры. Чрезвычайного размаха проблемы достигли в постсоветской России, но не только в связи с системным кризисом экономики. Ситуацию усугубил отказ от советской политики мощного дотирования лесозаготовительной подотрасли (Доброничев и др., 2005).

Основной вопрос, на которых хотел бы найти ответ автор статьи, звучит следующим образом: обречены ли на низкое качество жизни местные сообщества в периферийных лесосырьевых районах в силу географических причин или же возможно обеспечение их достойной жизни в устойчивом режиме при осуществлении должной политики на всех уровнях власти.

Реструктуризация лесопромышленного комплекса России в 1990-2000-е гг.

Лесопромышленный комплекс России играет заметную роль в национальной экономике, обеспечивая работой более 1 млн. чел. В 1990-х гг., до начала роста стоимости нефти он давал более 5% (1995 г.) валового национального продукта. Исходя из формального показателя освоения допустимого объема изъятия древесины (не более 30% в целом по стране), роль ЛПК в экономике может быть значительно выше.

Наиболее слабая сторона ЛПК России, возникшая еще в советское время, заключается в нехватке мощностей по глубокой переработке древесины и, как следствие, в необходимости либо экспортировать необработанный лес — продукцию с низкой добавленной стоимостью, либо сокращать объемы лесозаготовок, снижая отдачу от дорогостоящей инфраструктуры и ликвидируя рабочие места.

Объемы заготовок леса в последние годы Советского Союза, будучи ниже таковых в США — лидере мировой лесной промышленности (ок. 500 млн. м³ в год), были все же непропорционально велики при имевшем места уровне развития деревообработки. В рыночных условиях эта диспропорция проявила себя в резком обвале и затем очень медленном росте лесного сектора. Так, объемы вывозки древесины составляли в 1990 г.

304 млн. плотных куб.метров, в 1995 – 116, в 2000 – 95, а к 2007 году после 8 лет роста достигли лишь 134 млн.куб.м (Регионы России, 2008).

Системный кризис экономики начала-середины 1990-х и компенсационный подъем конца 1990-х — начала 2000- гг. в разной степени затронули различные подотрасли ЛПК. В 1998 году (нижней точке спада) больше всего сократились по сравнению с 1990 г. вывозка древесины и производство пиломатериалов - в 4 раза. Производство мебели уменьшилось в 3,7 раза, ДСП – в 3,6 раза, целлюлозы, бумаги и картона – в 2,3 раза (Кожухова, 2003). Более 60% инвестиций, направлявшихся в лесопромышленный комплекс с конца 1990-х гг., приходилось на предприятия целлюлозно-бумажной промышленности (причем не на строительство новых, а на техническое перевооружение существующих). Инвестиции в лесозаготовительной подотрасли осуществлялась, в основном, за счет собственных средств, в том числе за счет амортизационных отчислений (Кондратюк, 2002).

Все это способствовало тому, что в период роста ЛПК в конце 1990-х — начале 2000-х гг., на успех региональных лесозаготовительных комплексов оказывали влияние, главным образом, два фактора:

- степень развития целлюлозно-бумажной подотрасли региона;
- наличие в регионе экономически доступной транспортной инфраструктуры для экспорта круглого леса и близость региона к границе в направлении стран-импортеров (Кондратюк, 2002).

Специфика лесопромышленного комплекса Костромской области

Из двух указанных факторов успеха, лесопромышленный комплекс Костромской области не обладает ни одним, при этом играя чрезвычайно важную роль в социально-экономическом функционировании региона. Последнее определяется неразвитостью других отраслей промышленности, несостоятельностью сельского хозяйства в большинстве районов, невыгодным для развития транзитных услуг географическим положением, а также отсутствием предпосылок для развития туристической индустрии значимой для занятости и бюджетных доходов региона.

Костромская область — наиболее лесной регион Центра России, как по лесистости (74%), так и по доля занятых в лесной отрасли. Доля занятых в лесозаготовках от среднегодовой численности занятых в экономике Центрального ФО в целом составляла в 1990-2000-е гг. 0,3%, в Костромской области показатель достигал 1,0% в 1995 г. и 1,6% в 2004 г (Регионы России, 2004), будучи выше, чем в таких лесопромышленных регионах

как Карелия, Архангельская, Вологодская, Иркутская области. Последнее обстоятельство связано со слабым развитием индустриальной базы региона.

Будучи регионом внутренней периферии, удаленным от границы со странами — торговыми партнерами, не имеющим существенных запасов полезных ископаемых, регионом с истощенными запасами хвойной, наиболее ценной, древесины, будучи регионом с низкой плотностью населения, неравномерной системой центральных мест, словом, будучи регионом с чрезвычайно низкой инвестиционной привлекательностью, Костромская область стала, тем не менее, регионом базирования крупнейшего высокотехнологичного деревообрабатывающего производства (производство древесных плит), возникшего в результате прямых зарубежных инвестиций. При отсутствии интереса других крупных производителей зарубежный концерн «Кроно Свисс Групп» разместил предприятие там, где была возможна недорогая аренда крупной лесосырьевой базы.

Деятельность «Кроностар», строительство которого было начато в 2002 г., с запуском первой очереди завода в 2003 и второй в 2005 гг., стало ключевым фактором социально-экономического развития второго по величине города области — г. Шарья — и предметом особого внимания региональной власти, для которой реализация проекта «Кроностар» стала главным достижением постсоветских лет.

«Кроностар», а также еще несколько крупных деревообрабатывающих предприятий (фанерные комбинаты в Костроме и Мантурово, производство пиломатериалов в Шарье) и некоторые средние предприятия (например, деревообрабатывающий завод в Макарьеве) являются островками благополучия на фоне весьма проблемных лесозаготовительных и малых деревообрабатывающих предприятий, которые весьма тесно взаимосвязаны.

Основные проблемы современного лесопромышленного комплекса

Проблемы ЛПК обусловлены разными факторами. Разделим их на три группы: общемировые отраслевые, национальные российские и региональные.

Факторы отраслевые, характерные для лесозаготовительной подотрасли разных стран:

— дисперсное и тяготеющее к периферийным районам размещение лесозаготовительных мощностей, обуславливающее характер размещения рабочей силы, а через нее населения, социально-бытовой инфраструктуры и малых деревообрабатывающих производств;

— ограниченность расстояния экономически целесообразной транспортировки сырья в силу площадного размещения источника сырья и капиллярной схемы концентрации его потоков;

- сезонный характер работы;
- необходимость постоянного поддержания производственных мощностей по вывозке древесины за счет освоения новых лесных массивов и строительства сети лесовозных дорог;

- колебания конъюнктуры мировых рынков лесобумажной продукции.

Факторы национальные, специфичные для постсоветской России:

- приватизация производственных мощностей;
- коренные изменения лесного законодательства в 1993 и в 2007 гг.;
- перманентное реформирование лесопромышленного комплекса;
- систематическое недоинвестирование лесозаготовительной инфраструктуры (в первую очередь строительства лесовозных дорог).

Факторы региональные, актуальные для Костромской области:

- неспособность экономики поглотить высвободившуюся в результате постсоветского сжатия лесозаготовок рабочую силу, обусловленная слабой развитостью других отраслей промышленности, нехваткой больших городов, пространственной дисперсностью размещения рабочей силы;

- несоответствие породной структуры древостоев потребностям обрабатывающих предприятий (преобладание мелколиственных пород и нехватка хвойных), возникшее в результате крупномасштабных, часто превосходивших расчетную лесосеку, заготовок советского времени;

- оторванность лесосырьевой базы от крупных центров переработки древесины, предъявляющих спрос на широкий спектр сортов сырья;

- удаленность от границы в направлении стран-импортеров необработанного леса.

Актуальные проблемы лесного хозяйства Костромской области и их последствия

В результате влияния всех перечисленных факторов, в Костромской области резко обострились проблемы лесозаготовительной отрасли и проявились их серьезные социальные последствия. Сведем их также к несколько групп:

1. Социальная напряженность в крупных (до 1,5 тыс. чел.) монопрофильных лесных поселках, создававшихся «с нуля» в советское время при леспромпхозах и лесопунктах, сильно возросла. Удаленность от районных центров и региональных трасс обуславливает застойный характер безработицы в таких поселках после сокращения потребностей лесозаготовительной отрасли в рабочей силе. Поселки *слишком велики для ликвидации и переселения, но слишком малы для возникновения процессов саморазвития сообществ и, соответственно, возникновения новых рабочих мест по схеме*

мультипликатора. В Мантуровском районе таковы Елизарово, Лесобазы, Карьково — поселки при бывших лесопунктах бывшего лесозаготовительного предприятия «Мантуроволес», а также Октябрьский — поселок при бывшем леспромхозе. Сельские поселения, в пределах которых расположены эти населенные пункты, отличаются наибольшим числом обращений в Центр занятости за кризисный период с начала 2009 года. Однако ситуация в перечисленных поселках смягчается тем, что все они расположены на автомобильной или железнодорожной магистралях или в относительной от них близости, в связи с чем в поселках, даже в условиях кризиса, продолжают функционировать малые (до 100 чел. занятых) деревообрабатывающие предприятия, а население имеет возможность совершать трудовые поездки в районный центр и торговать пищевыми продуктами на трассе в розницу, а не через перекупщиков. Значительно более сложная ситуация сложилась в периферийных лесных поселках Макарьевского района (Первомайский, Дорогиня, Любимовка), удаленных от магистралей и отделенных от районного центра рекой Унжа при отсутствии мостов и соединении лишь через паромные переправы.

2. В области особо ярко выражена сезонность в вывозке древесины и, следовательно, сезонный характер потребности лесозаготовительных компаний в рабочей силе, обусловленные плачевным состоянием лесовозных дорог. В постсоветской России вообще почти прекратилось систематическое строительство лесовозных дорог круглогодичного действия. Если в 1989-1990 гг. строилось в год 7 тыс. км лесовозных дорог, то, например, в 1995 году было построено только 500 км (Тацун, 1996). Сократился также объем работ по поддержанию существующей сети дорог. Результатом стало разрушение лежневых (из хлыстов, настеленных поверх бревен) покрытий. Грунтовые дороги в лесных массивах непроходимы для лесовозной техники в большинстве лесничеств центра и северо-востока Костромской области с апреля по ноябрь, а в отдельных случаях с марта по декабрь. Возникает необходимость за 3-5 месяцев осуществлять вывозку древесины в объеме, потребляемом деревообрабатывающими предприятиями за год. Заготовку часто удается начинать раньше, чем вывозку: в августе-сентябре, разово забросив лесозаготовительную технику и рабочие бригады во время сухого летнего сезона на участки, подлежащие рубке. Однако это не устраняет необходимости содержать избыточный парк лесовозной техники, простаивающей большую часть года. В других условиях сезонность заготовок создавала бы для предприятий проблему найма большого числа временных работников на короткий период либо обеспечения штатных сотрудников непрофильной работой в незимние месяцы года, однако избыточность рабочей силы в лесных районах области позволяет

предприятиям нанимать достаточное число опытных работников лесозаготовок на сезонные работы по приемлемым ценам. Сезонность заготовок оборачивается для деревообрабатывающих предприятий проблемами технологического характера, поскольку заготовленная древесина не может лежать в необработанном состоянии дольше полугода без потери качества. Поэтому предприятия вынуждены либо жертвовать качеством, а значит и стоимостью продукции, либо проводить обработку в сжатые сроки, что проблематично в связи с дороговизной оборудования и недопустимостью его простоя, либо создавать емкости (заводские пруды; затоны на реках) для хранения необработанной древесины в летние месяцы.

3. Характерны повышенные издержки на транспортировку древесины от мест заготовки к мощностям по обработке, обусловленные рядом причин. Во-первых, обрабатывающие предприятия нанизаны, главным образом, на железнодорожную магистраль, от которой начиналось также освоение лесных массивов, поэтому хвойные насаждения, являющиеся первоочередным объектом рубок, сохранились лишь в удалении от предприятий. В связи с этим, ООО «ЛПК» (г.Шарья) вынуждено было транспортировать древесину с крайнего северо-востока области (Павинский, Вохомский районы). Поскольку плечо перевозки (до 250 км) значительно превосходило экономически целесообразное расстояние транспортировки необработанного леса трассовыми грузовиками стандартной вместимости 30 куб.м. (автопоезда на базе грузовиков КамАЗ), компания приобрела сплавную контору и с 1999 по 2008 год осуществляла сплав леса по Ветлуге и некоторым притокам. Во-вторых, автодорожное полотно на региональных трассах не рассчитано по «нагрузке на ось» на большегрузные трассовые грузовики (до 60 куб. м.), которые могли бы сделать дальнюю транспортировку леса экономически целесообразной. В-третьих, альтернативой не может являться транспортировка по железной дороге, которая в теории должна быть дешевле, но на практике является таковой только в случае очень больших объемов транспортировки, не столько из-за высоких тарифов, сколько из-за организационных проблем (несвоевременное предоставление вагонов, затоваривание придорожных складов и проч.).

Таким образом, в силу ряда конкурентных недостатков региональной лесозаготовительной подотрасли, наблюдается повышенная уязвимость предприятий, обслуживающих фанерные и плитные производства, к колебаниям цен на мировом рынке, а предприятий, обслуживающих производства пиломатериалов, — к колебаниям на внутристрановом рынке.

От финансового состояния лесозаготовительных предприятий находится в зависимости, главным образом, сельское население, отличающееся крайне низкой

мобильностью и ущемленное в возможностях трудоустройства, что обусловлено мелкоселенной с вкраплениями крупных монопрофильных населенных пунктов системой расселения.

Институциональные изменения 1990-2000 гг. и адаптация предприятий

Первым и наиболее разрушительным для унаследованного от Советского Союза ЛПК стала **приватизация предприятий**, которая была осуществлена, в основном, в 1993-1994 годах. К осени 1995 года деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность были приватизированы практически полностью, а лесозаготовительная (леспромхозы, сплавные конторы и проч.) — на 85% (Тацион, 1996). Оставшиеся в государственной собственности предприятия проявляли в целом пониженную эффективность деятельности, поскольку, во-первых, приватизации подвергались более успешные предприятия, и во-вторых, приватизированные предприятия, продавая пакеты акций, могли обеспечивать поступление инвестиций.

Предприятия, выполняющие различные функции в технологических цепях, тщательно выстроенных в рамках советских производственных объединений, зачастую оказывались в руках различных собственников, что приводило к рассогласованию политики ценообразования, сроков и объемов поставок. Результатом становилось прекращение функционирования целых территориально-промышленных комплексов. Примером предприятия в Костромской области, деградировавшего за 1990-е гг. до разрушения значительной части основных фондов в результате раздробления собственности является комбинат «Шарьядрев», на промышленной площадке которого позднее, в 1999 и 2002 годах, возникло два крупных предприятия: ООО «ЛПК» и ООО «Кроностар». Примером консолидации собственности, улучшившей положение крупных производств посредством вертикальной интеграции в Костромской области является приобретение компанией «Свеза» Костромского и Мантуровского фанерных комбинатов, а также компаний-поставщиков сырья.

Ускоренному разрушению основных фондов ЛПК в 1990-е гг. способствовала и **либерализация экспорта**. Децентрализация экспортной деятельности не только привела к нежелательным сдвигам в структуре экспорта (рост экспорта наиболее ценной хвойной древесины в необработанном виде; рост доли круглого леса до 30% в стоимости экспорта), но и нанесла удар по отечественной обрабатывающей промышленности, позволив коммерческим структурам скупать лес у леспромхозов по более высокой цене, чем могли предложить деревообрабатывающие предприятия.

На фоне приватизации произошла кардинальная **реформа лесного законодательства** (принятие в 1993 году «Основ лесного законодательства Российской Федерации»). Тяжелым испытанием для предприятий, имеющих производственные мощности по заготовке и переработке древесины, стала ликвидация закрепления за ними лесосырьевых баз долгосрочного пользования. Предоставление лесного фонда в пользование стало осуществляться на основе прямых переговоров, торгов и конкурсов. Таким образом, право распоряжения лесным фондом было делегировано на низший уровень регионов — в районы, и местные власти получили широкие права, не отягченные обязательствами по обеспечению народного хозяйства и населения лесоматериалами. В результате, коммерческие структуры стали внедряться в лесосырьевые базы леспромхозов, использовать их транспортную сеть, рабочие кадры и технику. В качестве примера плачевных результатов этих изменений можно привести развал леспромхоза, базировавшегося в пос. Октябрьский Мантуровского района, а также крупного лесозаготовительного предприятия «Мантуроволес», которое в позднее советское время обеспечивало работой 3 тыс. чел. и было форпостом комплексной механизации лесозаготовок в центральной и восточной части Костромской области.

Лесной кодекс 1997 года уточнял и развивал положения «Основ лесного законодательства», потому его принятие прошло для ЛПК в целом безболезненно. Что касается нового Лесного кодекса, вступившего в силу 1 января 2007 года, то он изменил систему лесопользования и лесных отношений кардинальным образом. Главными нововведениями стали следующие.

При сохранении федеральной собственности на земли лесного фонда и лесные участки, полномочия по управлению лесами и практически все полномочия по осуществлению государственного контроля и надзора переданы на уровень субъектов РФ.

Субъектам РФ были также переданы лесхозы вместе с их имуществом и предписано реформировать лесхозы с тем, чтобы исключить совмещение хозяйственных и управляющих функций в пределах одной организации. Лесхозы были государственными учреждениями, осуществлявшими выдачу разрешений на рубку, контроль соблюдения лесохозяйственных требований, выписывание и взимание штрафов, а также проведение лесовосстановления и ухода за лесами, в том числе рубок ухода с реализацией вырубленной древесины. Такое совмещение функций открывало простор для злоупотреблений, в том числе проведения сугубо коммерческих рубок под видом рубок ухода с изъятием лучших деревьев, а не больных. В результате реформы лесхозы были расформированы, на их месте созданы лесничества, лишённые полномочий по хозяйственной деятельности, а также по взиманию штрафов. Функции ухода за лесом на

арендованных участках были переданы частным компаниям — арендаторам (с принудительным расторжением договора аренды в случае невыполнения обязательств, заявленных в проекте освоения лесов на 10-летний период и в лесной декларации на годичный период). На остальных лесных участках — специально созданным государственным предприятиям, осуществляющим деятельность по госконтрактам. Эти компании поглотили основную часть штата бывших лесхозов, в том числе бывших лесников, осуществлявших инспектирование закрепленных за ними лесных участков — обходов. Название новой должности для бывших лесников — лесовод, и по должностным обязанностям это сугубо хозяйственный работник, не несущий ответственности за состояние какого-либо лесного участка. По мнению некоторых специалистов, упразднение должности лесника — одна из главных ошибок прошедшей лесной реформы, которая в перспективе приведет к ухудшению состояния лесного фонда.

Новый Лесной Кодекс вместо разрешительной системы лесопользования ввел заявительную, основанную не на выдаче лесорубочных билетов, разрежающих рубку на указанных выделах в указанном объеме, а на контроле соблюдения арендаторами планов, заявленных ими в проекте освоения лесов и в лесной декларации. Необходимость адаптации к применению новых документов ударила больше всего по небольшим лесозаготовителям, а крупным компаниям с компетентными специалистами в штате — открыла возможности для недобросовестной деятельности, которые будут ликвидированы только со временем.

Сокращен максимальный срок аренды с 99 до 49 лет и заявлен принцип приоритета добросовестного арендатора при проведении конкурса на аренду лесного участка по истечении срока предыдущей аренды. Заключение договоров аренды осуществляется по результатам аукционов. Аукционный способ распределения лесных ресурсов беспокоит лесопромышленные компании, т.к. допускает к участию в аукционе лиц которые не имеют реальной возможности для осуществления лесопользования и имеют намерение передать арендованные участки в субаренду или арендуют лесные участки вокруг крупных предприятий для получения рычагов давления в рамках ведения корпоративных войн.

Федеральный Закон от 14 марта 2009 №32-ФЗ внес ряд изменений в статьи Лесного Кодекса. На лесозаготовителей, в особенности, на малые предприятия и индивидуальных предпринимателей, негативно повлияло изменение, делающее невозможной куплю-продажу лесных насаждений в целях ведения хозяйственной деятельности. С весны текущего года единственной возможностью получить древесину на корню стала для всех предприятий аренда лесных участков, налагающая также обязательства по охране и

защите лесов, являющиеся непосильной ношей для малых предприятий. Если до того индивидуальные предприниматели могли, получив конкретный заказ, покупать на аукционах купли-продажи небольшие объемы древесины (первые сотни кубометров), перерабатывать на пилораме и продавать в соответствии с договоренностью, то принятие нового закона поставило их перед выбором: свертывать деятельность или переходить к незаконным рубкам. Таким образом, новый закон усугубил и без того тяжелое, в связи с последствиями финансово-экономического кризиса, положение малых лесозаготовителей.

Отмена Лесного Кодекса 1997 года вызывала трудности у многих сельскохозяйственных производственных кооперативов, поскольку в соответствии со статьей 130 старого ЛК: «участки лесного фонда, ранее находившиеся во владении сельскохозяйственных организаций, могут предоставляться сельскохозяйственным организациям в безвозмездное пользование в целях обеспечения собственных потребностей в древесине и других лесных ресурсах». В ряде регионов ЦФО на сельские леса приходилась очень большая часть лесного фонда, например, в Смоленской и Тверской они составляли около 50%. В Костромской области на них приходилось менее 30%. Для многих СПК, в условиях убыточного сельского хозяйства, рубка лесных насаждений и продажа древесины была единственным способом избежать окончательного развала. Выделяя сельскохозяйственным производителям лес для рубки, региональные власти тем самым стимулировали их к достижению заданных показателей производства: надоев, молока, численности поголовья скота и проч. Изменения в лесном законодательстве совпали по времени со сменой политики региональных властей Костромской области. Политика нового губернатора направлена на рост собираемости налогов. Ужесточение санкций против СПК-неплательщиков в комплексе с исчезновением главного источника дохода — продажи лесоматериалов — породили волну банкротств многих СПК, негативно повлиявших на социально-экономическое положение сельских жителей.

Если изменения в законодательстве относительно редки, и их влияние на ЛПК носят генеральный характер, то изменения в лесоуправлении происходят чаще. Передача субъектам федерации широких полномочий по управлению лесами, в соответствии с новым ЛК, стала предпосылкой для **регионализации лесоуправления**. Соответственно, в зависимости от политики региональных властей, стрессы перехода к новому законодательству для лесного хозяйства и лесной промышленности либо смягчались, либо усугублялись. Примером региона, где новые проблемы были смягчены, является Вологодская область; противоположный пример представляет собой Костромская.

Получив возможность управлять стартовой ценой лотов на аукционах купли-продажи лесных насаждений, региональная исполнительная власть установила ее в размере, в 7,2 раза превышающем минимальную федеральную ставку, впоследствии снизив коэффициент до 6. Это решение задевало интересы, главным образом, малых и средних лесозаготовителей. Крупные деревообрабатывающие предприятия, владеющие напрямую или через дочерние компании арендой на крупные сырьевые базы (ООО «Кроностар» через ООО «Кронолеспром», ОАО «Мантуровский фанерный комбинат» через ООО «Кологривлеспром», ООО «Лесопромышленный комплекс» через филиалы), пострадали от повышения регионального коэффициента при расчете стоимости аренды в 1,6 — 3,2 раза (для каждого случая принимались индивидуальные решения Советом по Инвестициям при губернаторе). В 2008 году продолжался рост спроса на лесобумажную продукцию, соответственно спрос лесозаготовителей на древесину на корню был крайне неэластичным, и произошло временное увеличение доходов регионального бюджета.

Кризис 2008-2009 гг. и другие негативные факторы производства

Новый кризис проявился лишь в начале 2009 года, поскольку контракты на поставку заключаются, как правило, в конце года на весь следующий. Он привел к волне расторжений договоров аренды крупными лесозаготовителями, отказов от участия в аукционах купли-продажи со стороны средних и малых, отказов от закупок сырья, заготовленного в Костромской области, со стороны деревообрабатывающих предприятий. Например, Макарьевский ДОЗ (не ведущий заготовок древесины) стал искать поставщиков хвойного пиловочника в Вологодской области, поскольку оплачивать доставку сырья через Шарью автомобильным транспортом (дистанция, по крайней мере, 300-400 км) выгоднее, чем покупать дорогой пиловочник, срубленный в Костромской области.

В результате сокращения спроса на древесное сырье, усугубленного чрезмерными региональными ценами, региональный и муниципальные бюджеты, практически лишились важнейшей статьи доходов — платы за использование лесов. Объем поступлений в бюджеты по данной графе за первое полугодие 2009 года был меньше, чем за соответствующий период прошлого года, в 3—10 раз, в зависимости от ситуации в конкретном муниципальном образовании. Наибольшее сокращение произошло в муниципальных районах, где ключевые лесозаготовители (ООО «Кронолеспром», ООО «ЛПК») ранее арендовали крупные лесосырьевые базы (Шарьинский, Павинский, Вохомский районы), наименьшее — в районах, где интересы ключевых лесозаготовителей

ранее отсутствовали, и структура аренды по собственникам была мозаичной (Макарьевский район).

В условиях комплексного воздействия разных негативных факторов, прослеживается смена ключевого подавляющего фактора, обусловленная, главным образом, масштабом производства.

Крупнейшие предприятия пострадали именно от последствий нового кризиса: падения спроса на древесину в связи с уменьшением объемов строительства. Средние предприятия пострадали больше всего от политики губернатора по изменению отпускной цены за древесину на корню. Малые же предприятия, например, пилорамы, принадлежащие индивидуальным предпринимателям, занимая ниши дешевых и востребованных широкими слоями населения пиломатериалов, а также дров, оказались нечувствительны к кризису, но крайне уязвимы к запрету на отпуск древесины через аукционы купли-продажи.

Кризисные явления в Костромской области усугубляются не только высокой стоимостью леса, но и увеличением стоимости земли с 1 января 2009 года, когда вступила в силу новая кадастровая оценка земли. В целом, стоимость возросла очень резко. В меньшей степени выросла стоимость земель сельскохозяйственного назначения, поэтому СПК области пострадали незначительно. Сильно выросла стоимость земли, предназначенной для размещения объектов торговли, административных зданий, промышленности. В разрезе муниципальных образований прослеживается четкая закономерность: бюджеты городских округов страдают от неплатежей за аренду земельных участков, а бюджеты муниципальных районов — от расторжения договоров аренды лесных участков.

Решение проблемы занятости населения в лесосырьевом регионе в условиях кризиса 2008-2009 года

Наиболее значимым социальным эффектом кризиса ЛПК является растущий уровень безработицы в регионе. Социальный приоритет государственной политики выразился, в частности, в выделении бюджетных средств на существенное увеличение пособий по безработице. В Костромской области с 1 января 2009 года уволенным по сокращению штата и некоторым другим группам стало предоставляться пособие в размере 4900 рублей в месяц (что превышает региональный прожиточный минимум, утвержденный на 2009 год в размере 4330 рублей в месяц).

Приток в Центры занятости увеличился не только по целевой группе, но и по хроническим безработным. Узнавая, что таким, как они, положено пособие в 800 рублей,

они разочаровывались, но, поскольку уже пришли, то на учет вставали. Поэтому прирост граждан, зарегистрированных в муниципальных Центрах занятости, начавшийся в 2009 году, нельзя объяснять целиком массовыми увольнениями в связи с кризисом. Точно так же, как не следует радоваться ощутимому сокращению числа зарегистрированных в июле-августе. Дело в том, что пособие выплачивается в течение полугода, затем полгода не выплачивается. Хронические безработные, вставшие на учет в начале года, терпели утомительные усилия Центров занятости трудоустроить их только до тех пор, пока им платили «минималку». Волна регистраций хронических безработных в Центрах пришлась на январь-февраль, соответственно их отсев — на июль-август.

Что касается тех, кому государство предназначает свою помощь, то доставить ее удается далеко не всем. Беседы в центрах занятости в пяти районах области показывают одну и ту же картину: транспортный фактор является определяющим в микрогеографии обращений в Центры занятости. Наименьшее число регистраций приходится на жителей удаленных от райцентра сельских поселений, вне зависимости от ситуации на рынке труда в их пределах. Наибольшее число регистраций приходится на крупные лесные поселки, расположенные относительно близко от райцентра.

Люди в удаленных населенных пунктах зачастую не просто считают поездки в райцентр слишком обременительными, но попросту не знают о программах Центров занятости, а если узнают, то часто отказываются верить в их эффективность.

Наибольшее количество нуждающихся в помощи по трудоустройству приходится на поселки, где располагаются лесозаготовительные филиалы крупных деревообрабатывающих предприятий, несколько более благополучная ситуация складывается там, где базируются местные небольшие предприятия, совмещающие заготовку и обработку (до стадии пиломатериалов). В сугубо сельскохозяйственных сельских поселениях высвобождение рабочей силы никогда не достигает таких масштабов, как в лесозаготовительных. Древесная продукция имеет достаточно высокую добавленную стоимость, чтобы оказываться подверженной кризисному сокращению спроса. Сельское хозяйство никогда не давало в Нечерноземье высокой добавленной стоимости, поэтому кризисные явления не изменили положения дел на большинстве СПК.

Власти муниципальных образований в преодолении социальной напряженности и повышении доходов населения склонны возлагать большие надежды на индустриализацию локальных экономик — создание крупных промышленных предприятий. Зависимость социально-экономических показателей от индустриальной базы на региональном и локальном уровне свидетельствует о том, что такой подход не лишен оснований. Однако существуют и веские аргументы в пользу его

несостоятельности с точки зрения социальных целей. Рассмотрим это на примере индустриализации городов Шарья и Мантурово.

Шарья – субрегиональный центр в лесопромышленном районе

Шарья — второй по размеру город Костромской области, при этом он меньше регионального центра почти на порядок. В Костроме проживает 250 тыс. чел., а в Шарье – около 38 тыс. У Шарьи есть все предпосылки для того, чтобы быть субрегиональным центром. Город стоит на пересечении магистралей межрегионального и даже федерального значения. Здесь сходятся: автотрасса, соединяющая область с Ярославлем и Москвой на западе и с Кировом на востоке, автотрасса, соединяющая область с Нижним Новгородом на юге и городами Вологодской и Архангельской областей на севере, участок Транссиба, через который область имеет выход на все ключевые города страны, от Москвы до Владивостока. Но главное, при эксцентриситете областного центра и его удаленности более, чем на 300 км, г.Шарья обречен максимально реализовать преимущества географического положения и "возглавить" восток области.

Уже беглый осмотр центра города убеждает, что Шарья сильно отличается от других райцентров области. Гостиница по внешнему виду, интерьеру и уровню обслуживания разительно отличается от просто «уездных гостиниц». На центральных улицах – множество новых, приятного вида зданий из красного кирпича, в которых располагаются, магазины, кафе, парикмахерские. Наконец, в городе есть два гипермаркета, по разнообразию товаров и услуг не уступающих таковым в Костроме. Открылись они совсем недавно, один в конце 2008, другой уже в начале 2009; благодаря им объем розничной торговли в Шарье, несмотря на кризис, растет и в нынешнем году. В гипермаркетах Шарьи цены на продукты ниже, чем в магазинах и на ярмарках соседних муниципальных районов. Поэтому в Шарью за покупками регулярно ездят из соседних районов и даже из некоторых ближайших районов Нижегородской области, которые к Шарье тяготеют значительно в большей степени, чем к расположенному слишком далеко Нижнему Новгороду.

По бюджетным показателям Шарья выглядит относительно благополучно, ее дотационность значительно ниже, чем других районов центра и востока области. В 2007 году собственные доходы составляли 64%, в 2008 году - 55,8%, за первое полугодие 2009 года - 59,8%.

Деревообработка дает 94% промышленного производства городского округа, 92% дает Кроностар, чуть меньше 2% — ООО «ЛПК». Казалось бы, «Кроностар» должен целиком определять социально-экономический облик Шарьи. Однако это не так. Во-

первых, поскольку в муниципальный бюджет зачисляются немногие налоги, основные налоговые доходы от предприятия идут в областной (ок. 75 млн. р. в 2008 году), федеральный бюджет (166 млн. руб.) и федеральные фонды (48 млн. руб.). В 2008 году в бюджет городского округа было зачислено всего 18,366 млн. руб. (17 млн. по НДФЛ, 1 млн. по транспортному налогу, 366 тыс. — плата за загрязнение окружающей среды), что составило менее 8% собственных доходов бюджета (данные администрации города). Таким образом, бюджет Шарьи зависит от гиганта «Кроностар» меньше, чем зависит бюджет соседнего города Мантурово от значительно менее крупного предприятия — Мантуровского фанерного комбината.

Во-вторых, реальный объем производства на ООО «ЛПК» больше, чем можно предположить исходя из статистики по муниципальному образованию. Дело в том, что предприятие является дочерней структурой подмосковной компании «Зодчий», занимающиеся готовыми срубами дачных домов, и большая часть добавленной стоимости, произведенной ООО «ЛПК», отражается не в его показателях, а в показателях материнской компании. Более правильное представление о масштабах предприятия дают показатели осуществленной заготовки и переработки древесины. Максимальный объем заготовок был достигнут в середине 2000-х и составлял ок. 300 тыс. м³, из которых приблизительно половина продавалась другим компаниям в необработанном виде, а другая половина шла на производство пиломатериалов для материнской компании. Для сравнения, годовое потребление древесины ООО «Кроностар» составляет около 1 млн. м³.

Наконец, в-третьих, «Кроностар» и «ЛПК» обеспечивают примерно равное число рабочих мест. Среднесписочная численность работников первого составила за 2008 год 1058 чел., а второго — 1300 чел., по состоянию на май этого года соответственно 900 и 750. Правда, следует учитывать, что ООО «ЛПК» занимается как переработкой, так и заготовкой, и существенная часть занятых (до этого года) приходилась на Павинский и Вохомский районы, где были арендованы сырьевые базы; «Кроностар» же занимается только переработкой; все операции по лесозаготовке и транспортировке леса возложены на дочернюю структуру «Кронолеспром», численность работников которой в 2008 году составляла около 700 чел., а в середине 2009 — около 400. Таким образом, Кроностар — более значимый работодатель для Шарьи, чем ООО «ЛПК», но все равно он обеспечивает работой не более 5% занятых в экономике городского округа (всего ок. 20 тыс.) и не более 10% занятых на средних и крупных предприятиях (всего ок. 11 тыс.).

По среднему размеру заработной платы (25,3 тыс. в 2008 году; 25,5 в мае 2009 года) «Кроностар» очень существенно выделяется на фоне остальных работодателей. Для сравнения, средняя зарплата в ООО «ЛПК» составляла 9,2 тыс. р. в 2008 году и 12,7 тыс.

руб. в мае 2009 года (существенный рост показателя в разгар кризиса вызван, по-видимому, тем, что ООО «ЛПК» избавилось в первую очередь от низового персонала, занятого на рубке и вывозке древесины).

Опираясь на эти показатели, специалисты экономического отдела администрации впадают в другую крайность и занижают значение Кроностара для городского округа. Они забывают об эффекте мультипликатора. Если бы не Кроностар, в город не приезжали бы делегации иностранцев и высокопоставленных российских лиц, и тогда в городе не было бы построено хорошей гостиницы и других услуг высокого класса. Возведение Кроностара дало мощный толчок развитию строительного комплекса самого широкого профиля, а массовое привлечение работников во время строительства самого предприятия и высокие зарплаты сотрудникам повысили покупательский спрос, спровоцировав рост торговли, в результате чего малый бизнес стал главным работодателем (43% занятости) и главным налогоплательщиком (более половины налоговых платежей). При этом в городе не снижается объем строительных работ: в 2009 году продолжается строительство 40 новых зданий, предназначенных для розничной торговли.

«Кроностар» дает работу множеству малых предприятий, в том числе трейдеров, перепродающих древесные плиты. Наконец, если бы в Шарью не пришел крупный зарубежный инвестор, возможно не состоялось бы спрямления автотрассы на Мантурово и Кострому, которое, сократив путь до этих центров от Шарьи на 100 км, улучшило и без того хорошее транспортное положение города.

Таким образом, Шарью нельзя отнести к городам одного предприятия, хотя Кроностар и дал мощный толчок развитию всего городского комплекса. Но тот факт, что это моноотраслевой город, зависимый от функционирования ЛПК, не вызывает сомнений.

Мантурово — малый лесопромышленный город в тени субрегионального центра

Как и Шарья, г. Мантурово долгое время располагался на пересечении двух транспортных магистралей: автотрассы Р-98 и Северной железной дороги. В 2000-е годы построена субширотная трасса, напрямую соединяющая Мантурово и Шарью, а также трасса с усовершенствованным покрытием, соединяющая Нижний Новгород через Шарью с Великим Устюгом. По транспортной центральности Шарья безусловно превзошла Мантурово, ведь она оказалась ключевым (в связи с наличием железной дороги) пунктом на трассе, которая обеспечивает кратчайшее сообщение города-миллионера Нижний Новгород с Вологодской и Архангельской областями. Однако отрыв Шарьи от Мантурово в плане социально-экономического развития сформировался раньше, еще в советское время, и связан был с возникновением более крупного предприятия, чем Мантуровский

фанерный комбинат — предприятия по комплексной, в том числе глубокой, переработке древесины «Шарьядрев».

На данный момент Мантурово уступает Шарье и по населению, и по промышленному потенциалу, и по развитости малого бизнеса.

В Мантурово проживает около 18 тыс. чел. (в 2,1 раза меньше, чем в Шарье), в Мантуровском районе — 6 тыс. (в 1,9 раза меньше, чем в Шарьинском районе). При этом и в Шарье, и в Мантурово живет в 3 раза больше населения, чем в соответствующих муниципальных районах.

Объем отгруженных товаров собственного производства, работ и услуг в Мантурово за 2008 год был в 7,8 раз меньше, чем в Шарье. Уровень дотационности бюджета Мантурово значительно выше. Из 210 млн. руб. доходов по всем источникам в бюджете Мантурово по результатам 2008 года, собственные доходы составили 34,4%. В Шарье они составили 55,8% (из 422 млн. руб. по всем источникам). Результатом становится повышенная душевая обеспеченность бюджетными доходами населения Мантурово, отстающего от Шарьи по потенциалу создания добавленной стоимости. Аналогичная картина прослеживается при сравнении экономически более слабых муниципальных районов и более сильных городских округов. Так на локальном уровне проявляется федеральная политика выравнивания бюджетной обеспеченности, проистекающая из приоритета социальной стабильности по отношению к быстрому и неравномерному экономическому росту (см. табл. 2).

Таблица 1. Бюджетная обеспеченность на душу населения (по собственным доходам бюджета) в городских округах и муниципальных районах

2007 год	Население, тыс. чел.	доходы бюджета из всех источников, тыс. р.	собственные, тыс. р.	доля собственных, %	бюдж. доходы в расчете на душу, руб.	собств. доходы в расчете на душу, руб.	Гор. округ / р-н: собств. дох. на душу
Мантурово	18	141500	62000	43,8	7861	3444	1,5
Мантуровский р-н	6	68000	14000	20,6	11333	2333	
Шарья	38,5	290000	185500	64,0	7532	4818	2,4
Шарьинский р-н	11,5	113000	23000	20,4	9826	2000	

В структуре промышленного производства Мантурово деревообработка занимает не такую большую долю, как в Шарье, но эта доля все же определяющая. Она составляет 73%. Следом идет пищевая промышленность, представленная заводами: хлебным, сырным и минеральных вод: 9,5%. В 2008 году Мантуровский фанерный комбинат давал 10% собственных доходов в бюджете городского округа и обеспечивал работой около 10% занятых в экономике городского округа.

В отличие от Шарьи, в Мантурово строительство идет вяло. Текущие стройки относятся, главным образом, к индивидуальному жилищному строительству. Муниципальное жилье не строилось десятилетиями, и в улучшении жилищных условий нуждается каждый десятый (Авангард, 28 апреля 2009).

В советское время в Мантуровском районе действовало очень крупное лесозаготовительное предприятие «Мантуроволес». В течение 1990-х оно постепенно деградировало, вплоть до банкротства и распродажи активов. На базе лесопунктов в поселках Елизарово (к северу от Мантурово), Лесобазы (к востоку) и Карьково (к югу) возникали небольшие лесные предприятия.

Самый мощный куст предприятий возник в поселке Октябрьский (ж.д. станция Брантовка) на базе бывшего леспромхоза. Здесь на сегодняшний день базируются предприятия ЗАО «ЗИЛ-Лес» (ок. 100 чел. занятых), «Октябрьское ЛЗП» (ок. 50 чел.) и некоторые другие. ЗИЛ-Лес возник 11 лет назад, и развивается на собственные средства, не обращаясь к сторонним инвесторам. В 2007 году предприятие успешно обратилось за поддержкой в Совет по Инвестициям при губернаторе. В 2008 году в развитие производства было вложено 45 млн. руб. Было установлено итальянское оборудование; кроме вагонки стали производить высококачественные отделочные материалы. В 2009 году, в связи с сокращением спроса, предприятие перешло на 3-дневную рабочую неделю, остальные 2 дня работники проводят на общественных работах, организованных по федеральной и областной программам борьбы с безработицей. ЗИЛ-лес — отличный пример малого-среднего предприятия, которое умеет вовремя и правильно пользоваться поддержкой, которую предоставляет государство и регион.

Малые предприятия, будучи важным элементом локальной (на уровне сельских поселений) экономики, остаются нестабильной и незначительной по сравнению с крупными опорой для социально-экономической системы на уровне муниципального образования. Так, население в поселке Октябрьский сократилось с 1960-х гг. с 4.5 до 1.3 тыс. чел. и продолжает убывать, инфраструктура, в том числе жилые дома, разрушается, уровень безработицы очень высок (Нефедова, 2006).

После пожара на единственном крупном предприятии в районе — Мантуровском фанерном комбинате весной 2009 года, район рисковал уподобиться по структуре производства ЛПК таким периферийным районам, как Макарьевский и Вохомский. К счастью для района, комбинат будет восстановлен, его оборудование модернизировано, а производственные мощности увеличены на 25%.

То что не только огонь сам по себе, но и пожары в определенных обстоятельствах могут приносить выгоду, люди знали давно. Серьезной проблемой для комбината в последние годы было устаревшее производственное оборудование, требующее много живого труда (до начала увольнений на предприятии работало 880 чел., следствием чего была высокая себестоимость продукции). Расширять производство в условиях, когда высокую степень износа имели даже здания цехов, проблематично, и многие годы комбинат работал на мощности 80 тыс. м3 фанеры в год. До того, как разразился кризис, предприятие планировало на 2009 год модернизацию производства с повышением механизации и, соответственно, сокращением численности работников. С января 2009 года комбинат, как и большая часть предприятий обрабатывающей промышленности России, стал испытывать серьезные трудности. Спрос на продукцию упал, объемы производства были сокращены. Это поставило под вопрос перспективу модернизации предприятия и потребовало увольнений. К 23 апреля (за 3 дня до пожара) в центре занятости на учет встало 300 уволенных с комбината, в то время как всего в центре занятости стояло на учете 700 чел. (Авангард, 23 апреля 2009).

Когда случился пожар, для всех работников, для которых не находилось работы, но которых не увольняли и платили 2/3 оклада, а также для всех запланированных к увольнению, но еще не уволенных, нашлась работа — очищать производственную площадку. По состоянию на начало августа на предприятии было занято 640 чел., из которых 300 – на временных и общественных работах (Авангард, 4 августа 2009).

Остановка производства на время ремонта не приведет к потере прибыли, ведь спрос на древесную продукцию в 2009 году очень низок. А с ремонтом предприятию помогут. Восстановление комбината взял под личный контроль губернатор. Материнская компания ОАО «Свеза» выделила предприятию кредит размером 1 млрд. руб. на восстановление основных фондов, на льготных условиях со сроком погашения до 2014 года. Область гарантировала налоговые льготы на срок окупаемости инвестиционного проекта, общим объемом 125 млн. руб., а городской округ предоставил льготы по налогу на землю и планирует недополучить от предприятия 6 млн. рублей до конца года. Судя по инвестиционному проекту, новое предприятие будет иметь мощность 100 тыс. м3 фанеры в год. Планируется построить новые здания цехов по современным стандартам и

установить зарубежное оборудование, требующее меньше работников на производственной линии. На 2009 год инвестиции запланированы в объеме 670 млн. руб. Производство должно начаться в 2010, а на полную мощность выйти в 2011 году. Кризис и спад спроса к тому времени могут уже остаться позади.

Таким образом, нельзя сказать, что пожар стал для руководства Мантуровского фанерного комбината трагедией, тем более, что огонь, уничтожив многие цеха, не задел ключевое производство, — лущение шпона, — на продукцию которого сохраняется спрос со стороны других предприятий деревообрабатывающей отрасли.

Несмотря на восстановление фанерного комбината, социально-экономическое отставание Мантурово от Шарьи будет усиливаться, по двум причинам. Во-первых, дорожное строительство 1990-2000-х обеспечило Шарье бесспорное превосходство транспортно-географического положения. Во-вторых масштаб градообразующих предприятий двух городов различается приблизительно на порядок по физическому объему продукции и еще более по стоимостному, в силу того, что древесноплитное производство при прочих равных условиях отличается более высокой рентабельностью, чем фанерное.

Мантурово и возможное строительство целлюлозно-бумажного комбината

Единственным сценарием, при котором Мантурово может подняться в экономическом рельефе над Шарьей, является строительство целлюлозно-бумажного комбината в соответствии с докризисными планами. Промышленное производство масштаба крупного ЦБК кардинальным образом изменит экономический профиль любого малого и среднего города и создаст комплекс незнакомых ранее проблем, связанных с состоянием среды, здоровьем населения и распределением доходов. На взгляд автора, строительство ЦБК в Костромской области целесообразно, как и размещение любых высокотехнологичных обрабатывающих производств, для преодоления явного отставания в промышленном развитии региона с бесперспективным сельским хозяйством. Однако размещать ЦБК следует, во-первых, на водотоках, в отличие от реки Унжи, уже подверженных промышленному загрязнению (Волга — множество промышленных производств; Ветлуга — плитное производство «Кроностар»), во-вторых там, где уже сосредоточена мощная инфраструктура и сходятся транспортные магистрали — в целях экономии на транспортных и удельных инфраструктурных издержках. Поскольку территории у впадения Унжи в Волгу малоосвоены, удалены от железнодорожной и оторваны от автомобильной магистрали (нет моста через Унжу в Макарьевском районе), размещение ЦБК имеет смысл либо в Костроме, либо в Шарье. Однако в первом случае

предприятие будет оторвано от ресурсной базы (промышленно значимые запасы хвойного сырья сосредоточены на северо-востоке Костромской и юго-востоке Вологодской областей) и не будет обеспечивать роста субрегионального центра, необходимого для создания сбалансированной системы центральных мест региона.

Реалистичность запуска этого беспрецедентно крупного (до 51 млрд. руб.) в ЛПК постсоветской России инвестиционного проекта остается под вопросом. Основные аргументы скептиков сводятся к следующему. В новой России не было построено ни одного ЦБК, по причине огромного объема требуемых инвестиций, долгого срока окупаемости, рисков, связанных с цикличностью рынка целлюлозы, и невысокой, по сравнению с некоторыми другими отраслями промышленности, рентабельностью. Переговоры между властями региона и потенциальными инвесторами явно затянулись; финский инвестор вынужден был отказаться от сделки, а занявший его место отечественный («АСПЭК», 81 по размеру российская компания, в соответствии с рейтингом Forbes-2007) имеет непродолжительный опыт в лесной отрасли (см. Нефедова, 2008, Рамонов, 2008). Переговоры о строительстве ЦБК с сопоставимым объемом инвестиций шли в тот же период между властями Нижегородской области и одной из ведущих мировых лесопромышленных компаний StoraEnso, однако весной 2009 года инвестор, в связи с текущим сжатием мирового рынка целлюлозы и бумаги, на два года отложил не только реализацию, но и подготовку проекта, которому был присвоен государственный статус приоритетного. При сравнении Костромского и Нижегородского проекта становится очевидным, что реализация второго более вероятна, а реализация обоих вряд ли произойдет, и ограничительным фактором является сырьевая база. Комбинату, производящему 800 тыс. тонн товарной целлюлозы в год (производственная мощность предприятия в Костромской области, заявленная в инвестиционном проекте, осталась неизменной со сменой потенциального инвестора), быстро станет не хватать сырьевой базы Костромской области с ее истощенными запасами хвойной древесины, и начнут расти транспортные издержки на поставки сырья из соседних областей.

Заинтересованы в строительстве ЦБК в первую очередь региональные власти, а также власти и работники лесной отрасли Мантурово и района. Кроме того, строительство выгодно всем лесозаготовительным и деревообрабатывающим предприятиям центра — востока области, кроме ООО «Кроностар». На данный момент оно является монополистом, диктуя другим предприятиям условия покупки у них отходов деревообработки и тонкомерной древесины (используемых как сырье в плитном производстве). ЦБК станет конкурентом «Кроностара» в скупке нетоварной древесины, и конкурентом эффективным, поскольку целлюлозно-бумажное производство, по мнению

экспертов, характеризуется более высокой рентабельностью, чем древесно-плитное. С другой стороны, строительство комбината крайне невыгодно властям и населению Макарьевского района, расположенного ниже Мантуровского по течению реки Унжи, а также сельхозпроизводителям и дачникам вдоль реки ниже места предполагаемого строительства комбината.

Судя по ситуации с предоставлением в аренду лесных участков в области, у противников ЦБК есть причины для оптимизма: участки, зарезервированные ранее под потребности будущего комбината, с 2009 года стали вновь предоставляться в аренду.

Таким образом, социально-экономическое положение Мантурово в обозримой перспективе, по-видимому, не изменится.

Заключение

В 2007-2009 годах и без того лишенный существенных конкурентных преимуществ лесопромышленный комплекс Костромской области пострадал от совокупного действия трех факторов: изменения лесного законодательства, региональной политики лесоуправления, последствий мирового финансово-экономического кризиса. Главным результатом этого в социальном плане стала стремительно растущая, начиная с января 2009 года, безработица, которая в связи с переориентацией ряда деревообрабатывающих предприятий на сырье из соседних регионов, а также в связи с выплатами высоких пособий по безработице в рамках государственного пакета антикризисных мер, может приобрести застойный характер.

Города, являющиеся транспортными узлами и центрами обрабатывающей промышленности, пострадали в меньшей степени, чем специализированные на лесозаготовках поселки в наиболее периферийных районах. Текущие кризисные явления в очередной раз продемонстрировали крайнюю уязвимость монопрофильных населенных пунктов, планово создававшихся в целях развития отдельных отраслей экономики и мощно дотировавшихся в Советское время.

Проведенный анализ приводит к выводу, что в решении социальных проблем лесных регионов нужно с большой осторожностью применять стандартные инструменты финансово-экономического регулирования, а особенно морально устаревший подход масштабной индустриализации, когда в решении всех проблем данной локальности надежда возлагается на создание нового мощного производства. В фазу экономического роста новое предприятие обеспечит повышение материального благополучия части жителей, способствуя социальному расслоению, росту консюмеризма и не способствуя росту образовательного уровня и социальной когезии (как показывает опыт канадских

населенных пунктов при предприятиях крупных корпораций). В фазу рецессии крупное предприятие не обеспечит сообществу никакой устойчивости к рискам. Что касается новых подходов, в основе которых лежит стимулирование местных инициатив, то особое внимание должно уделяться проблеме коммуникации между источником и реципиентом стимулирующих мер.

Список литературы:

- 1 «Авангард». Общественно-политическая газета г.Мантурово и Мантуровского района Костромской области, за период 01.2009-08.2009.
- 2 Доброничев Д.А., Голубцова О.А., Иванова О.С // Лесопромышленный комплекс, понятия, проблемы, перспективы // Москва, ИИЦ «Статистика России», 2005
- 3 Кожухова Л.И., Социально-экономические проблемы устойчивого развития лесного хозяйства российских регионов, М., МГУЛ, 2003
- 4 Кондратюк В.А. Современное состояние лесопромышленного комплекса России, М., 2002
- 5 Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 №200-ФЗ.
- 6 Лесной кодекс Российской Федерации от 29.01.1997 №22-ФЗ
- 7 Нефедова Т.Г. Село Медведево в интерьере своего района, области, России//Российский северный вектор/ под ред. Н.Е.Покровского, М.: Сообщество профессиональных социологов, 2006
- 8 Нефедова Т.Г. Предистория и возможное будущее проектов строительства ЦБК в Костромской области// Угорский проект: экология и люди Ближнего Севера/ под ред. Н.Е.Покровского, М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008
- 9 Основы лесного законодательства российской федерации (утв. ВС РФ 06.03.1993 N 4613-1)
- 10 Официальный сайт Министерства природных ресурсов РФ, www.mnr.gov.ru, новость от 1.11.07
- 11 Рамонов А.В. Строительство ЦБК в Мантуровском районе Костромской области// Угорский проект: экология и люди Ближнего Севера/ под ред. Н.Е.Покровского, М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008
- 12 Регионы России 2004. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2004
- 13 Регионы России 2008. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2008
- 14 Тацун М.В. Совершенствование системы управления лесопромышленным комплексом России, Санкт-Петербург, 1996
- 15 Тацун М.В // Лесопромышленный комплекс России в условиях перехода к рыночной экономике // Москва, 1995.
- 16 Федеральный закон Российской Федерации от 04.12.2006 г. N 201-ФЗ «О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации»
- 17 Федеральный закон Российской Федерации от 14.03.2009 №32-ФЗ «О внесении изменений в лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»